

Обзорная статья

УДК 341

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(2).379-389

EDN VBVLC

Кризис международного права и будущее мироустройство: обзор аналитической сессии юристов-международников (часть первая)

Владимир Борисович Исаков*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
visakov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0093-1230>*

АННОТАЦИЯ

В обзоре отражено содержание аналитической сессии юристов-международников, состоявшейся в рамках VII Всероссийской конференции аналитиков России. Сессия проходила на фоне утверждений в западных средствах массовой информации об углубляющемся кризисе международного права, связанным, в частности, с проведением Россией специальной военной операции на Украине. Большинство участников сессии с этим не согласилось. Международное право было и остается правовой основой международного сотрудничества, а универсальные нормы международного права продолжают действовать и должны соблюдаться.

В выступлениях участников прозвучали интересные мысли о современных подходах к защите прав человека и национальных интересов России на международной арене. Внесены предложения о развитии международного сотрудничества в рамках универсальных и региональных международных объединений, в том числе ЕАЭС, БРИКС и ШОС.

В аналитической сессии приняли участие ведущие российские юристы-международники. В первой части обзора опубликованы выступления профессоров А.Я. Капустина, А.С. Исполинова, А.И. Ковлера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международный правопорядок, нормы, правила, международные организации, международная безопасность, защита прав человека, международные расследования, международные суды, международные санкции

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Исаков В.Б. Кризис международного права и будущее мироустройство: обзор аналитической сессии юристов-международников (часть первая) / В.Б. Исаков. — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(2).379-389. — EDN VBVLC // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 2. — С. 379–389.

Review article

The crisis of international law and the future world order: review of the analytical session of international lawyers (part one)

Vladimir B. Isakov*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
visakov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0093-1230>*

ABSTRACT

The review reflects the content of the analytical session of international lawyers, held within the framework of the VII All-Russian Conference of Analysts of Russia. The session took place against the background of allegations in the Western media about the deepening crisis of international law related, in particular, to Russia's special military operation in Ukraine. Most of the session participants disagreed with this. International law has been and remains the legal basis for international cooperation, and the universal norms of international law continue to apply and must be respected.

The participants expressed interesting ideas about modern approaches to the protection of human rights and Russia's national interests in the international arena. Proposals have been made to develop international cooperation within the framework of universal and regional international associations, including the EAEU, BRICS and SCO.

The analytical session was attended by leading Russian international lawyers. The first part of the review contains presentations by professors A.Ya. Kapustin, A.S. Ispolinov, and A.I. Kovler.

© Исаков В.Б., 2025

KEYWORDS

international legal order, rules, regulations, international organizations, international security, protection of human rights, international investigations, international courts, international sanctions

FOR CITATION

Isakov V.B. The crisis of international law and the future world order: review of the analytical session of international lawyers (part one). *Akademicheskij yuridicheskij journal = Academic Law Journal*. 2025;26(2):379–389. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(2).379-289. EDN: VBVLCC.

В октябре 2022 года в Москве, в восстановленном после пожара здании Института научной информации по общественным наукам РАН прошла Всероссийская научно-практическая конференция аналитиков «Новое мироустройство. Роль и место России». В ее рамках состоялась аналитическая сессия юристов-международников «Кризис международного права и будущее мироустройство». На конференции были высказаны различные мнения о состоянии современного международного права, тенденциях его развития, актуальных задачах международного сотрудничества в этой сфере. По техническим причинам публикация материалов дискуссии несколько затянулась, что (в этом могут убедиться читатели) никак не сказалось на масштабах и актуальности обсуждаемых тем.

* * *

Открывая сессию, ее модератор **Владимир Борисович Исаков, доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»**, отметил, что мир меняется на наших глазах. Изменения затрагивают практически все сферы жизни — экономику, внешнюю и внутреннюю политику, социальную жизнь, науку, образование, культуру. И, конечно же, право. Как видятся из сегодняшнего дня контуры будущего мироустройства? Какое место в нем может и должна занять Россия? Это общий предмет обсуждения всей VII Всероссийской научно-практической конференции аналитиков России. Ну а у юристов в этой теме свой круг вопросов. Как видится на сегодняшний день состояние международного права? Можно ли определить это состояние как кризис международного права? И если так, то что в международном праве сохранится и будет существовать, а что уйдет в прошлое? И что новое в нынешней ситуации может прийти ему на смену? На какие нормы и институты международного права Российская Федерация могла бы опереться в своей внутренней и внешней политике? Эти вопросы касаются не только государственных деятелей и ученых-международников, они затрагивают миллионы людей.

Анатолий Яковлевич Капустин, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом международного права Института законодательства и сравнительного правоведения, президент Российской ассоциации международного права, начал свое выступление с того, что международное право как отдельное социальное явление испытывает воздействие цивилизационных трансформаций. В результате, опираясь на идею сложных саморазвивающихся систем, высказанную академиком В.С. Степиным, следует ожидать качественной трансформации международного права вследствие изменения внешней среды. Конкретные сроки, механизмы и контуры указанной трансформации международного права в настоящее время еще трудно поддаются прогнозу, вероятно, они заслуживают отдельного и более масштабного исследования. Тем не менее научный поиск возможных изменений отдельных элементов международно-правовой реальности уже сейчас становится необходимым и востребованным.

Переход к многополярной модели международных отношений сопровождается обострением геополитической обстановки, международный правопорядок испытывает стрессовое воздействие различных факторов. Наблюдается объективная деформация международного правопорядка, сложившегося в XX веке на основе Устава ООН и сохранявшегося без серьезных изменений до 90-х годов прошлого века. Разумеется, в развитии международного права в XX веке проявлялись некоторые тенденции, свидетельствующие о стремлении размыть его фундаментальные основы и разрушить его системную целостность. В качестве примера можно сослаться на проявления фрагментации международного права, которая была обусловлена объективными процессами различного характера, попытками разработать и реализовать в практике международных отношений различные концепции («гуманитарной интервенции», ответственности за защиты», «ограниченного суверенитета» и др.), отвечающие корыстным интересам одной группы государств с целью легализации прямых на-

рушений или отклонений от основополагающих принципов и норм Устава ООН. Однако в целом международному сообществу и государствам в кризисных ситуациях удавалось находить основанные на международном праве и его основных принципах решения.

Распад СССР в 1991 году породил серьезную перестройку системы международных отношений, затронувшую функционирование международного права. Стали складываться международные политические конфигурации с явным стремлением создания однополярного мирового политического порядка, предприниматься попытки практического осуществления доктрины безальтернативного либерального мирового порядка, основанного на продвижении исторически сложившихся ценностей государств, именуемых «коллективным Западом» во главе с глобальным лидером — США.

Все более наблюдалось выстраивание доминирования США на международной арене, которое сопровождалось грубейшими нарушениями норм международного права и прав других государств. В последнее десятилетие все более очевиден спад процесса глобализации, наряду с этим усиливается рост межгосударственной конкуренции. На состояние сотрудничества государств оказывает негативное влияние использование двойных стандартов западными государствами в отношении России и других суверенных государств, усиливается санкционная политика стран Запада, принявшая с весны и лета 2022 года очертания «санкционной войны». Становится все более зримым кризис однополярной модели мира и соответствующей ему доктрины навязывания миру «правил», на которых основана западная модель миропорядка (*“the rules-based international order”* — миропорядок, основанный на правилах).

Все мы являемся свидетелями становления данной исторической эпохи. Распад СССР у некоторых наших коллег ассоциировался с прекращением холодной войны, прекращением политико-идеологической борьбы, началом наступления эры господства международного права и равноправного и справедливого сотрудничества между всеми государствами мира. Однако новая реальность и ее либеральная рациональность очень быстро показали всю иллюзорность подобных ожиданий.

Возможность равноправного сотрудничества и триумфального шествия международного права по планете рушилась на наших глазах. Интервенции США и НАТО в Сомали, затем их вмешательство в межэтнические конфликты

в ряде государств бывшей Югославии и особенно бомбардировки Сербии, показали, что утверждающийся миропорядок ничего общего с международным правом не имеет. И даже в создании и развитии новых международных институтов, таких как Всемирная торговая организация (ВТО) или Международный уголовный суд (МУС), приоритет отдавался западным стандартам и ценностям. А.Я. Капустин выразил надежду, что создаваемые в настоящее время условия перестройки мироустройства не допустят повторения прошлого. Гегемония одной державы должна стать достоянием истории. Надо ожидать того, что и ООН, и связанные с ней международные организации и структуры также должны измениться в сторону большей демократичности и многосторонности. В ней должны получить голос все регионы мира, которые сегодня только рассматриваются в качестве возможных акторов многополюсного мира. Например, движение неприсоединения, члены которого между собой могут договариваться об институционализации своего представительства в ООН. Возрастает роль таких объединений, как БРИКС и ШОС. Сейчас мы наблюдаем повышение их престижа и привлекательности на международной арене, проявляется тенденция к их расширению. Есть все основания полагать, что они также способны выступать гарантами международной стабильности и восстановления международного правопорядка. Их влияние будет сказываться не только в ООН, но и в создании новых договорных и иных механизмов, нацеленных на укрепление равноправного сотрудничества.

Последний вопрос, на котором остановился докладчик в связи с проблемой международно-правовых условий создания и упрочения многополярного мира, — возрастающие возможности регионализма в его конкретных организационно-правовых формах (региональные экономические организации, в том числе интеграционные и др.). Это связывается с появлением признаков «усталости» человечества от глобалистских и неоглобалистских институтов и их упадка в современных условиях. Иногда происходит терминологическая и концептуальная путаница, когда говорят о проявлениях регионализма и приводят в качестве примера БРИКС, ШОС, некоторые другие институты. ШОС в каком-то смысле может пониматься как межгосударственная региональная организация, но БРИКС уже нельзя относить к разряду региональных объединений. Прежде всего, БРИКС нельзя называть региональной организацией, это просто межгосударственное объединение, не обладающее ключе-

выми международно-правовыми признаками международной межправительственной организации (ММПО). Что касается определяющего признака ММПО — договорно-правовой основы, то сегодня она не столь важна для обеспечения эффективной деятельности. Гораздо важнее разделяемые ее участниками ценности и принципы равноправного сотрудничества. Можно утверждать, что ее деятельность направлена на формирование многополярного мира и совершенствование мирового порядка. Во-первых, БРИКС стремится к восстановлению международного правового порядка на основе уважения целей и принципов Устава ООН для того, чтобы придать ему состояние легитимной стабильности. Во-вторых, БРИКС выступает за торжество международного права, а не силы в международных отношениях, понимая силу не обязательно как вооруженную, но включает в это понятие экономическое, технологическое и другие современные формы принуждения.

Международное принуждение имеет много форм, оно многолико. Конечно, само международное право не исключает элементов принуждения в механизме его обеспечения, но оно должно осуществляться в рамках международной законности. Компромиссы, которые будут достигнуты путем договоренностей между конкурирующими государствами и их блоками, могут сформировать механизмы по обеспечению безопасности на стратегическом и региональных уровнях, — этого будет вполне достаточно для того, чтобы обрести уверенность в более-менее мирных условиях, которые позволят решать внутренние задачи нашей страны. Появляются признаки того, что по ряду позиций международные региональные организации начинают вытеснять универсальную систему международного сотрудничества. Данную смену приоритетов пока нельзя обозначить в качестве генеральной тенденции, но признаки ее проявления налицо. Речь идет не только о Европейском Союзе (ЕС), данный поворот проявляется в деятельности других региональных организаций, которые пытаются найти свое место в мире. Речь идет о региональных организациях экономической интеграции или сотрудничества, например Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и др. В частности, благодаря их взаимодействию удалось преодолеть вызовы мирового экономического и финансового кризиса. Если бы региональные организации не стали сотрудничать между собой в вопросах взаимодействия платежных систем, а полагались

исключительно на механизмы МВФ, то кризис продолжался бы до сих пор и принимал бы еще более уродливые формы.

Другой пример — пандемия. И НАТО, и ЕС, и США как лидеры западного сообщества отнюдь не проявили чувства солидарности даже к своим союзникам в том, что касалось противодействия распространению *COVID-19*, сотрудничества в предоставлении вакцин и другой необходимой помощи. Такую солидарность мы наблюдали во взаимодействии между Россией, Китаем и рядом других государств. На этом пространстве действовали принципы солидарности, гуманизма, человеческих отношений — они могут быть кому-то не покажутся правовыми, но они создали ту атмосферу доверия, которая позволила остановить распространение пандемии и сформировать новые на сегодняшний день международно-правовые механизмы сотрудничества в сфере международного здравоохранения.

Несмотря на то, что большинство международных региональных организаций, особенно межгосударственных экономических организаций, становятся более или менее успешными в достижении своих целей, — полагаю, что преувеличивать значение регионализма не стоит. Он будет выступать определенной альтернативой универсальным международным организациям, определенным институционно-правовым рычагом решения проблем регионов, но только в тех параметрах, которые обозначены их возможностями.

Модератор: Позвольте задать Вам вопрос. В самом начале Вы высказали мнение, что текущую ситуацию можно охарактеризовать как кризис международного права. Какие определения этого кризиса Вы посчитали бы адекватными? Как можно определить эту ситуацию, какими терминами ее можно описать?

Анатолий Капустин: Я сказал бы, что это кризис *миропорядка*. Международное право — часть этого миропорядка. Регулятор поведения субъектов международных отношений, который в современных условиях в значительной степени бездействует при решении ключевых, фундаментальных вопросов отношений между субъектами. В силу своей работы, в определенном смысле приближенной к международно-правовой практике, я каждый день сталкиваюсь с анализом международных соглашений с другими государствами, которые Российская Федерация разрабатывает, заключает, уточняет. В сфере, не попадающей под влияние западных стран, мы наблюдаем, что международное право не просто действует, на него реально опираются государ-

ства для решения конкретных вопросов взаимного сотрудничества.

Другое дело, и это тоже не надо скрывать, что миропорядок, который сложился на сегодняшний день, — позволяет тем, кто обладает большими возможностями в политическом, военном, экономическом и других отношениях, оказывать давление на другие страны, не входящие в международные организации коллективного Запада. Что касается некоторых стран, таких как Россия, отстаивающих свой суверенитет в международных делах, по отношению к ним предпринимаются скоординированные усилия коллективного Запада, чтобы не допустить самой возможности их развития, а отвести им роль своих сырьевых придатков. Запад стремится исключить любые формы сотрудничества с нами. Вопиющий пример: принятие так называемых вторичных санкций в отношении государств (а также их физических и юридических лиц), которые не принимали участия в поддержке санкций западных государств и, соответственно, не несут никаких международно-правовых обязательств по их исполнению. С помощью вторичных санкций стремятся добиться полной изоляции России, грубо нарушая права третьих государств, не обязанных выполнять чужие решения. Создаются квазиправовые механизмы, при помощи которых против третьих государств, их юридических и физических лиц, применяются санкции, причем серьезные санкции, за то, что они торгуют с Россией или вступают с нами в деловые, культурные и прочие связи. Это уже самая настоящая экономическая война, если называть вещи своими именами. Это пример использования методов, которые призваны уничтожить нашу страну, а заодно и наших союзников и просто сочувствующих, желающих развивать с нами экономические и другие отношения. Поэтому, когда мы говорим о кризисе международного права, то мы имеем в виду, что этот кризис является производным и зависимым от кризиса, охватившего основные сферы миропорядка. Но на нижних уровнях межгосударственных отношений международное право, конечно же, продолжает действовать, полностью его исключить пока что никому не удастся.

Татьяна Полякова: Хотела бы задать Вам следующий вопрос. Параллельно с кризисом международных отношений сейчас происходит реформа научных специальностей и в международном праве появилось международное информационное право. Происходит такая, я не знаю, как ее назвать... турбулентность. Понятно, что идет

гибридная война, а информация — это составляющая гибридной войны, а может быть, уже самостоятельная ее часть. Перспективы очень сложно оценить, но понятно, что это важно. Международное информационное право. Мы давно ставили вопрос о том, что оно должно быть. В рамках какой научной специальности оно должно формироваться и как к нему относиться? Переждать или оно все-таки уже сегодня какая-то составляющая международного права? Спасибо.

Анатолий Капустин: Татьяна Анатольевна, спасибо за вопрос. Вы всегда задаете простые по форме вопросы, на которые сложно ответить. Вот ко мне приходят коллеги из отдела уголовного права, и спрашивают, если где-то в другом государстве кто-то совершает преступления, то исследование таких вопросов должно быть закреплено за специалистами по уголовному праву? Полагаю, при всем уважении к науке российского уголовного права, что вопросы международного права при возникновении проблем на международном уровне должны решаться специалистами по международному праву. Если не выполняются запросы России о выдаче военных преступников, если игнорируются обращения России по анализу и закреплению очевидных нарушений международного гуманитарного права, за которые установлена международная ответственность, это не повод отказаться от дальнейшей борьбы за международное право. Для меня это совершенно очевидно. Поэтому я говорю нашим коллегам, специалистам по уголовному праву, занимайтесь национальным уголовным правом, развивайте внутренние правовые механизмы борьбы с преступностью, а мы будем думать о том, как на международном уровне добиться соблюдения норм международного права. Напомню, кстати, что Нюрнбергский процесс организовали после окончания войны всего за несколько месяцев, хотя документы к нему готовили с 1943 года.

Теперь о том, что касается информационного права. Сегодня, когда мы говорим «информационное право», у многих перед глазами интернет, право на интернет. А интернет — явление международное, но не публично-правовое, это смесь публично-правовых и частноправовых отношений. То есть по предмету регулирования он выходит далеко за рамки межгосударственных связей.

Если брать межгосударственные отношения, то некоторые считают, что зачатки информационного права появились вместе с возникновением первых печатных источников информации. Далее формы передачи информации совершенствовались, появлялись другие средства переда-

чи и хранения информации, по поводу которых заключались межгосударственные соглашения. С этой точки зрения международное информационное право имеет очень солидную историю, в которой были и свои взлеты, и свои падения. Я думаю, что сегодня останавливаться нельзя. Нельзя не учитывать, что на содержание информационного права влияет развитие интернета, социальных сетей, информационно-коммуникационных технологий. В правовых решениях в этой сфере всегда будут учитываться интересы частного сектора, частных собственников, стейкхолдеров. Но то, что государства несут основную ответственность за информационную безопасность, — для меня это совершенно очевидно. Поэтому мы должны развивать международное право с тем, чтобы международная информационная безопасность обеспечивалась также международными юридическими средствами. Таково мое представление.

Далее выступил **Алексей Станиславович Исполинов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**. В отношении кризиса международного права он категорически не согласился с А.Я. Капустиным, считая, что никакого кризиса просто нет. Что есть? Есть внешнеполитический кризис в Европе, который многие страны за пределами Европы считают региональным, а не мировым кризисом. После 24 февраля 2022 года ничего криминального, меняющего суть современного международного права, не произошло. Более того, в силу развития международного права, разделения его на отдельные отрасли, выделения и автономизации морского, инвестиционного, воздушного, космического права, права Европейского союза, если мы считаем его международным правом, — то там этот кризис вообще не ощущается. Посмотрите на профессиональные порталы международного экономического права. Там нет украинского кризиса. Посмотрите на инвестиционное право, там не замечают этот кризис. Право Европейского союза — для них нет этого кризиса. Они обсуждают новые регламенты, директивы, комиссии, новые решения суда Европейского союза и т.д. Ну да, акты о правах человека в какой-то степени кризисом затронуты, в этой отрасли кризис ощущается.

Надо отметить, что стороны конфликта постоянно апеллируют к нормам международного права, — и В.В. Путин 24 февраля 2022 года, и в ходе выступления по поводу присоединения бывших четырех областей Украины. В постанов-

лениях Конституционного Суда РФ идет постоянная отсылка к нормам международного права. То же самое делают и наши оппоненты. Другая сторона постоянно отсылает к нормам международного права. Да, дает им свое толкование, свою интерпретацию. Но, несмотря на идущие военные действия, международное право сохраняет свою силу. Ведь это же не война, когда разрываются все договоры, это какое-то пограничное состояние. Россия прокачивает нефть и газ, платит за это твердую валюту. Даже в этой ситуации у нас заключаются по нормам международного права новые договоры, например зерновая сделка. Проблема в чем? В том, что стороны по-разному толкуют некие краеугольные в этой ситуации нормы международного права.

В 1990—2000 годы, когда казалось, что международное право воспряло, вышло на новый уровень, у нас накопились некие завышенные ожидания от международного права. Но особенности международного права, которые отличают его от национального, никуда не делись. Это отсутствие единого законодателя, расплывчатость норм международного права, особенно обычных норм, преимущественно горизонтальный контроль за исполнением этих норм. У нас нет, как в национальном праве, независимых судей: «Нарушила Украина, не нарушила, рассуди нас, отец родной, Ваша честь, вынесите решение!» Мы сами смотрим, нарушила Россия либо Украина нормы международного права. Отсюда высочайшая степень субъективизма, особенно помноженная на политические пристрастия и на то, кто какую сторону конфликта поддерживает. Китай по-своему смотрит на эту ситуацию, Западная Европа поддерживает Украину и по-своему подходит к толкованию этих норм. Тем более в такой чувствительной сфере, как нормы о применении силы, тем более в центре Европы. Подобный конфликт, если бы он был на другом континенте, я абсолютно уверен, был бы где-то там на 50-й странице *New York Times* или *Washington Post*. У нас его показывали бы где-нибудь после 24 часов. Но это — в Европе. Первый раз после 1945 года, да еще какие ставки политические...

Реплика участника: Югославия...

Алексей Исполинов: Дайте, я договорю сначала. Кризис международного права сильно преувеличен. Это примерно как вопрос о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на международное право. Не было никакого влияния. А если и было, то где-то походя. Без Октябрьской революции создали Лигу Наций, постоянную палату третейского правосудия

и т.д. Подписали Ништадтский договор. Не было значительного влияния. И мы сейчас опасаемся, что нынешний кризис сметет международное право? Это не так.

А.С. Исполинов высказал мнение, что отечественные доктрины международного права надо переосмыслить в следующих трех аспектах. Это отношение к нормам международного права, отношение к международным организациям и отношение к международным судам.

Об отношении к нормам международного права. В условиях быстро меняющихся конфигураций, обстановки, появления новых союзов, смены приоритетов необходимо обеспечить Российской Федерации высокую степень гибкости в договорных отношениях. Международное право — не есть нечто святое, это инструмент реализации внешней политики государства. Право на досрочное прекращение или выход из любого международного соглашения, на мой взгляд, не должно восприниматься как некое святотатство, покушение на устои, нарушение принципа *pacta sunt servanda*, а должно восприниматься во всем остальном мире как эффективный инструмент адаптации внешней политики к новым реалиям.

Далее, нам необходимо поставить вопросы, обосновать возможность одностороннего выхода из сложившегося международно-правового обычая. Здесь можно отослать к серии очень хороших статей Ю.С. Ромашева из Высшей школы экономики. Особенно его последней по времени статье, где он обосновывает, почему это так важно сейчас¹.

За последние 20 лет в западной концепции, которая проявляется и в доктрине, и в решениях судов, появилась тенденция разводить традиционное международное право и современное международное право. И если в традиционном праве упор делался на складывающуюся государственную практику, то в современном праве, как они говорят, в *modern customary international law*, упор делается на *opinio juris* — правильное мнение. Судьи международных судов и авторы соответствующих доктрин начинают утверждать, что появляется новый международный обычай, который, обращаю ваше внимание, *по их мнению*, обязателен для всех государств — участников международного сообщества. Ну, может быть, за исключением государства *persistent objector*, которое заранее говорит: «Нет, нет, нет!». Ну как говорить заранее «нет», когда мы не знаем, что

скажет завтра международный суд ООН либо какой-то другой международный суд о том, что вот это с этого дня мы считаем международным обычаем, обязательным для всех?

Приведу пример. В мире существует более 3 000 международных инвестиционных договоров, предусматривающих обязательную юрисдикцию — арбитражный трибунал по инвестиционным спорам. Что это дает? С точки зрения современной доктрины, сложилась норма обычного международного права о прямом доступе инвесторов к арбитражу, имеющая обязательную юрисдикцию. А как быть Бразилии и другим государствам, которые вообще таких договоров не заключали? У них принципиальная политика — не заключать таких договоров. А тут доктрина появляется и заявляет: «Посмотрите, сколько таких договоров, участвует практически каждое государство». В соответствии с доктриной *opinio juris* — появился универсальный обычай, который обязателен для всех.

Задумавшись над тем, что противопоставить такому подходу, вернемся к вопросу о выходе из международного обычая. Почему государство в силу суверенности имеет право выйти из любого договора, а из обычая, исходя из сложившегося «правила», выйти не может? Это несправедливость, как минимум. А как максимум — недоработка, которая требует в данном случае осмысления и практического разрешения.

А.С. Исполинов не согласился и с тем, что существует кризис универсальных международных организаций, кризис ООН. Если посмотреть на сегодняшнее состояние Совета Безопасности ООН, так он пребывает в кризисе с 1946 года, когда впервые концепция «пяти шерифов», постоянных членов Совета Безопасности, которые блюдают за порядком, перестала работать. Кстати, она никогда не работала. И чем эта ситуация сегодняшняя отличается от ситуации 1946 года? Ровно ничем.

В этой ситуации надо быть предельно осторожными и в отношении, в первую очередь, реформирования Совета Безопасности. Наше постоянное членство в Совете Безопасности — это один из немногих внешнеполитических активов России, который остался от Советского Союза, который надо беречь. Более того, к этому также осторожно относятся и США, и Китай. Почему США никогда не пойдут на слом существующего механизма Совета Безопасности ООН, хотя на словах они это поддерживают? Потому что, если эта система будет сломана, Израиль тут же сметут — через Генеральную Ассамблею ООН, через

¹ См.: Ромашев Ю.С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 148–174.

размытие правовых гарантий в Совете Безопасности ООН. Без той защиты, которую сегодня Израиль имеет в виде США и его права «вето» в Совете Безопасности ООН, его просто не будет. И арабские страны, объединившись, быстро сбросят Израиль в море, вот что произойдет.

Столь же осторожно, понимая приоритеты российского государства, следует подходить к таким вопросам, как судебный контроль за решениями Совета Безопасности. За счет чего могут быть расширены полномочия Международного суда? А давайте поставим под его контроль Совет Безопасности! Позиция России, с которой абсолютно солидарны все постоянные члены Совета Безопасности, — никакого судебного контроля. Как решил СБ, пусть так оно и будет. А все разговоры доктринальные пусть останутся разговорами доктринальными.

Уходить или не уходить из международных организаций? Конечно, не уходить. Вопрос доминирования той или иной группы государств в той или иной международной организации — вопрос времени. Значит, надо работать. Да, нас зажали в ВТО в плане принятия решений, с нами не здороваются, мы обижаемся. Опять-таки стоит переждать, но не уходить. Если уйдем из ВТО, как некоторые сейчас ратуют, то только порадуем наших врагов. Они об этом мечтают. Потеряем возможность участвовать в формировании правил международной торговли и потом будем все равно туда вступать. Только очередные 20–30 лет на это потратим, — полагает А.С. Исполинов.

Приоритет очевидный нужно отдавать интеграционным проектам, в первую очередь, Евразийскому экономическому союзу. Но при условии исключения конкуренции между объединениями. Чтобы не повторилась ситуация, как в Африке, когда каждая африканская страна участвует в двух, в трех, четырех интеграционных проектах, и мечется, которому отдать приоритет? Из-за этого все интеграционные проекты пребывают в состоянии неопределенности и не развиваются. Не стоит повторять этот опыт.

Нужно определяться как мы в принципе работаем с международными судами. Участвуем либо не участвуем и что это нам дает. У Советского Союза была жесткая позиция — минимальное вовлечение в международные суды. Эта позиция сейчас весьма последовательно реализуется Соединенными Штатами. Они после некоего периода любви к международным судам постоянно и неуклонно исключают любую возможность оказаться в качестве ответчика в Международном суде ООН.

Китай придерживается такой же политики. Обязательная юрисдикция только по двум или трем конвенциям в Международном суде ООН, которую они решили оставить. Обязательный характер носят решения Органа по разрешению споров в ВТО, есть обязательная юрисдикция арбитража в конвенции ООН по международному морскому праву. И, конечно, инвестиционные арбитражи. Обратите внимание, везде только арбитражные механизмы, везде только конфиденциальность. Возможен только арбитраж и нет никаких судов с частными лицами, всегда есть возможность договориться приватно с другой стороной, заключить приватно мировое соглашение.

Мы до сих пор пожинаем плоды решения М.С. Горбачева, который на закате своей карьеры в 1991 году снял одномоментно все ограничительные оговорки к юрисдикционным положениям договоров. В результате Украина «притащила» Россию в Международный суд по конвенции о геноциде. Ну давайте определимся, либо мы занимаем позицию Советского Союза и минимизируем наше вовлечение в международные суды, либо мы постоянно судимся в международных судах.

Если первая позиция, то что нужно сделать и как вернуться к утраченным ограничительным оговоркам? А.С. Исполинов предложил в качестве возможного варианта расторгнуть соглашения, выйти из них, и через день вновь войти в эти соглашения, но с юрисдикционными оговорками. Да, с точки зрения репутации не совсем комфортно. Но в нашей ситуации, снявши голову, по волосам не плачут. Можно так сделать, и никто возражать не будет. Именно такой подход в свое время избрала Великобритания, когда ей надоел Европейский суд по правам человека со своей экстерриториальной юрисдикцией в отношении Ирака. Вышла из конвенции, а потом снова вошла с оговоркой.

Надо посмотреть практику работы с международными судами. В том числе на практику работы других государств. Украина сегодня — наш геополитический противник, но посмотрите, как они работают с международными судами! Те же самые Армения и Азербайджан в период своего конфликта — сразу иск в Международный суд. Пусть притянута за уши, но было принято ходатайство об обеспечительных мерах. Что это дает? Через 2–3 недели — это живое шоу, транслируемое в прямой эфир, где можно выложить какие угодно аргументы, привлечь внимание мировой общественности к своим проблемам. И это все бесплатно, с заранее планируемым политиче-

ским эффектом. Мы почему-то так не можем, почему-то так не умеем.

Необходимо проработать и реализовать на уровне государства вопрос о централизации участия России в международных судах в одних руках. Сейчас Международным судом и трибуналом по морскому праву занимается МИД России, ВТО занимается Минэкономразвития России, инвестиционный арбитраж забрала себе прокуратура, а судебные органы по правам человека остались в Минюсте России. Отсюда — чехарда и несогласованность. Участвовать, не участвовать... Посмотрите, что делал Катар в санкционной войне с Саудовской Аравией и что делает сегодня Украина. Четкая стратегия использования всех доступных международных судов в своих целях. Все централизовано, выделено финансирование, выделено очень серьезное кадровое обеспечение — в результате все реализуется. У нас процессами в инвестиционных арбитражах занимается прокуратура, а реформу инвестиционного арбитража, один из краеугольных вопросов международного инвестиционного права, — ведет Минэкономразвития России. При этом занимает позицию цепляния за старое, ровно то самое, которое нам уже стоило 50 млрд долларов в решении по компании «ЮКОС». В ВТО мы по-прежнему в роли Буриданова осла. Д.А. Медведев еще в 2014 году, будучи президентом, сказал, что мы будем оспаривать санкции в ВТО. Сколько лет прошло, а ничего не сделано. Документы готовы, но решение не принимается.

С другой стороны, очевидна несвоевременность идеи о создании «своего» суда по правам человека. Предлагается создать то суд по правам человека БРИКС, то суд по правам человека СНГ, то суд по правам человека ЕАЭС. Мы пугаем наших партнеров. Китай, Индия никогда не пойдут на создание еще одного суда по правам человека, надо же это понимать. Зачем Бразилии другой суд по правам человека, если она уже участвует в Межамериканском суде по правам человека? Зачем в евразийской интеграции, которая должна развиваться уверенно и потихоньку, мы пугаем членов ЕАЭС подобными предложениями? Вместо того, чтобы развивать ЕАЭС как единый внутренний рынок, создаем себе другие проблемы. Нас выкинули из ЕСПЧ, давайте создадим свой суд!

Зачем нам сейчас еще один суд по правам человека? Мы ушли из ЕСПЧ, но остались с договорными органами ООН, у нас сидит представитель одного из таких органов. Давайте разберемся сейчас, как мы с этими органами будем работать.

Они делают ровно то, что делал Европейский суд по правам человека. Обеспечительные меры, решения выносят. Да, не имеющие обязательного характера. Но по правовому эффекту они такие же. Посмотрите решения Конституционного Суда РФ, аналогичные решениям Европейского суда по правам человека, практику пересмотра решений по вновь появившимся обстоятельствам, и т.д., и т.д.

Следующая проблема — регионализм. Региональные союзы, региональные ценности оказались прочнее, гибче универсальных. Очевидна неготовность регионов мира воспринимать европейские ценности, включая европейские стандарты прав человека. Отсюда и объясняются неудачи с Арабским судом по правам человека, Азиатским судом по правам человека. Отсюда иллюзорность идеи о создании Всемирного суда по правам человека. Глобализация тормозится реальным расхождением интересов государств.

Очевидно, нас ждут постоянные расхождения при согласовании новых глобальных соглашений либо при изменении существующих. Регионализм приводит к тому, что появляются заметные в некоторых отраслях международного права трудности в новых глобальных соглашениях. Это видно на примере работы Комиссии по международному праву ООН, подготовке новых проектов, статей об ответственности, руководства по оговоркам и т.д. Очевидно, что мы будем свидетелями дальнейшей фрагментации и конкуренции мирового правопорядка.

Еще одна причина, почему А.С. Исполинов не согласился с тезисом о кризисе международного права как кризисе международного правопорядка, состоит в том, что есть множество иной раз конкурирующих, дополняющих, иной раз противостоящих правопорядков. Происходит разрастание автономных региональных правопорядков. У нас ЕАЭС, вполне возможно, тоже через несколько лет пойдет по пути Европейского союза и объявит об автономности правопорядка ЕАЭС. Что за этим последует? Приоритет права ЕАЭС над остальным международным правом.

В этой ситуации мы будем свидетелями хаоса, нарастающего при исполнении универсальных обязательств. Можно обратить внимание на очень интересный документ под названием «Совместное заявление Российской Федерации и Китая о международных отношениях, вступающих в новую эпоху». События конца февраля 2022 года его затмили. Также практически не замечена в нашей прессе негативная реакция государств на проект договора о пандемии, раз-

работанный Всемирной организацией здравоохранения, который предусматривал массированную передачу всех полномочий по борьбе с пандемией на уровень ВОЗ, чуть ли не включая объявление чрезвычайного положения.

Выводы: международное право было и остается государственным, создаваемым государствами в первую очередь для самих себя. Кризиса доктрины международного права нет, как нет и единой доктрины. Фрагментация доктрины вызвана растущей специализацией и автономностью сообществ. Неизбежно ослабление глобалистских тенденций, нарастание регионализма в самых разных его видах.

Далее выступил **Анатолий Иванович Ковлер, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения, судья Европейского суда по правам человека в 1999–2012 годах.** Он начал с того, что одним из проявлений кризиса или, можно так назвать, некоторого застоя в международном праве, является то, что из него в последние годы практически исчезла повестка прав человека. Мы сейчас сосредоточены прежде всего на отношениях между государствами, европейской и всемирной безопасности. И получается, что права человека, которые должны служить неким оселком в международных отношениях, стали второстепенным элементом международного права. Мне кажется, что мы здесь отброшены к периоду до 1970–1980 годов прошлого века, когда после Хельсинских соглашений возник повышенный интерес к международному праву, сформировалась так называемая «третья (гуманитарная) корзина», в научных учреждениях создавались сектора по правам человека, появились солидные публикации.

Поскольку свято место пусто не бывает, мы наблюдаем на фоне возникшего вакуума претензии некоторых судов, прежде всего Европейского суда и Межамериканского суда, заполнить этот вакуум. Не так давно было прощальное выступление в Комитете министров Совета Европы Роберта Спано, уходящего председателя Европейского суда по правам человека. Он заявил в отношении России, что, хотя юрисдикция Суда в отношении России прекратилась 15 сентября 2022 года (дату эту они установили собственным решением), тем не менее Европейский суд будет продолжать рассматривать дела против России. Причем не все дела, а те, которые Суд отберет сам как наиболее важные. Закономерен вопрос: а каковы критерии этого отбора? Скорее всего,

мы опять получим приоритет рассмотрения дел Навального и его соратников или что-либо еще в этом духе. Я думаю, что наш законодатель подбросит им тему запрета пропаганды ЛГБТ или ужесточения статуса иностранных агентов.

В отношении этих судов надо занять определенную позицию. А.И. Ковлер согласился с А.С. Исполиновым, что есть не только Комитет по правам человека ООН, но и другие конвенционные органы. Практически каждая из основных конвенций ООН обросла своими комитетами, которые наблюдают за их соблюдением, выносят рекомендации. В итоге есть поле непаханое для творчества наших международников, специалистов по международному праву. Потому что есть конвенции против расовой дискриминации, по правам детей, мигрантов и т.д. По этим конвенциям мы тоже должны занять какие-то позиции, иначе вместо нас эти позиции займут другие.

Почему, вычистив из нашего законодательства путем принятия закона, вступившего в силу 11 июня 2022 года, любое упоминание о Европейском суде как органе, решение которого дает основание для пересмотра дел по вновь появившимся обстоятельствам, мы «забыли» денонсировать саму Европейскую конвенцию? Есть закон о международных договорах Российской Федерации 1995 года с последующими изменениями, который мы нарушили. В соответствии с ним орган, который ратифицировал Европейскую конвенцию в 1998 году, а именно Государственная Дума, должен в предусмотренном законом порядке ее денонсировать, а президент подписать закон о денонсации. Этого не было сделано. Вот вам пример вольного обращения с международными договорами.

Увлечись проблемами международной безопасности, европейскими проблемами, мы оставили бесхозной проблему прав человека. Вместо этого раздаются предложения о создании какого-то нового универсального суда по правам человека. А.И. Ковлер разделяет убеждение А.С. Исполинова, что создание новых судов по правам человека, региональных, особенно в рамках ЕАЭС, будет дополнительным ударом по нашим судам, по главным национальным правозащитным органам. Создав такой специальный суд или палату при Конституционном Суде, мы тем самым распишемся в том, что наши суды, обычные суды, суды общей юрисдикции, — в сфере защиты прав человека не эффективны. Это недальновидная политика. Работает целая группа юристов по реформе системы защиты прав человека в международных судах. Самым разумным

было бы создание Суда (или Комиссии) СНГ на базе Конвенции СНГ 1995 года.

В нашем подходе к проблемам международного права должны торжествовать реализм и научная объективность, а не хотение или нехотение каких-то товарищей. Научным работникам, профессуре, академическим сотрудникам надо иметь гражданское мужество, чтобы сказать в определенный момент: «Нет, так не бывает, это нарушает международные приличия!». Например, исключать положения о системе международной защиты прав человека из российского федерального закона, не денонсировав перед этим международную конвенцию — означает ставить телегу перед лошадью. Недостаток профессионализма иногда играет с нами злую шутку.

Участница дискуссии (не представилась): Анатолий Иванович, Ваш первый тезис был о том, что права человека исчезли из международной повестки. Вам не кажется, что это где-то результат пандемии?

Анатолий Ковлер: Полагаю, что не совсем так. Как раз во время пандемии был некий

всплеск активности по проблемам прав человека, потому что в Европейский суд хлынули сотни, если не тысячи жалоб на ограничения в передвижении, на обязательные прививки, на карантины — из Чехии, Румынии, Франции, из многих других стран. Международное правозащитное сообщество возбудилось. Но Европейский суд имел мужество сказать, что это меры, необходимые в демократическом обществе, что они пропорциональны поставленной цели, что они закреплены в соответствующих законодательных или нормативных правовых актах. И поток вскоре прекратился, ибо все поняли эффективность этих мер.

Когда я говорил о том, что права человека исчезли из повестки, я вспомнил спор с одной нашей известной специалисткой по международному арбитражу. На одной конференции она сказала: «Что такое, куда не придешь, везде права человека, права человека». «Потому-то и говорят о них постоянно, — ответил я, — что они не защищены в достаточной степени национальными правовыми механизмами».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Борисович Исаков — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор факультета права. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20; SPIN-код: 1978-5744, Researcher ID: E-5739-2016.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir B. Isakov — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Faculty of Law. National Research University Higher School of Economics. 20, Myasnitskaya st., Moscow. Russia, 101000; SPIN-code: 1978-5744; Researcher ID: E-5739-2016.

Поступила в редакцию / Received 28.04.2025

Принята к публикации / Accepted 18.06.2025